

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1993

Е. Д. Поливанов и его вклад в корейское языкознание

Л. Р. Концевич
(Институт востоковедения РАН)
(Москва)
(Университет Кёнсан)
(Чинджу [Южная Корея])

Профессор Евгений Дмитриевич Поливанов (28.II/12.III.1891—25.I.1938) был "гениальным языковедом, замечательным полиглотом и филологом-энциклопедистом"¹. Он принадлежит к числу крупнейших лингвистов первой половины XX в. и является одним из генераторов многих идей современного языкознания. В частности, он заложил основы теории эволюции языка, социологической лингвистики, акцентологии, дополнил учение И. А. Бодуэна де Куртене теорией фонетических конвергенций и т. д. Е. Д. Поливанов оставил детальные фонетические и диалектологические описания ряда восточных языков (японского, китайского, узбекского, дунганского и др.) на синхронном уровне. Не меньший интерес представляют его диахронические, сравнительно-исторические и контрастные описания языков разных типов.

Встретив Октябрьскую революцию как революцию труда, он стал жертвой созданной ею тоталитарной системы. Из-за трагически сложившейся творческой и личной судьбы ученого в условиях насильственного насаждения в советском языкознании конца 20-х—начала 30-х годов антинаучного по своей сути "нового учения о языке" акад. Н. Я. Марра², к сожалению, многие работы Е. Д. Поливанова остались в рукописном виде или же безвозвратно исчезли, а опубликованные затерялись на страницах периферийных малотиражных изданий и потому были не столь широко известны лингвистическому миру³.

В области изучения корейского языка в России второе и третье десятилетия нынешнего столетия представляли бы собой лакуну, если бы не труды Е. Д. Поливанова, в которых он постоянно использовал данные корейского языка. И хотя фактически из-под пера ученого вышло в количественном отношении немного работ (всего три), целиком посвященных корейскому языку, его следует считать зачинателем современного научного корейского языкознания в России, ибо его

предшественник профессор Восточного института во Владивостоке Г. В. Подставин (1875—1924) занимался в основном преподавательской деятельностью и составлением учебных пособий и программ по практическому обучению корейскому языку⁴, а первая корееведческая работа другого крупного лингвиста профессора Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета А. А. Холодовича (1906—1977) вышла только в 1935 г.⁵

Е. Д. Поливанов как лингвист-компаративист начиная со своих ранних работ включил корейский язык в круг научных интересов. Пока не удалось найти прямых свидетельств, когда, где и в какой степени Е. Д. Поливанов овладел корейским языком. Достоверно только, что его первое знакомство с этим языком произошло до 1916 г., когда была опубликована в "Восточном сборнике" Общества русских ориенталистов его статья "Гласные корейского языка"⁶. Поскольку Е. Д. Поливанов был способен усваивать иностранные языки буквально "на лету", он мог познакомиться с корейским языком во время поездок в Японию в 1914—1916 гг. или на русском Дальнем Востоке, где он ненадолго останавливался, а может быть, и раньше в период учебы в Петербургском университете и в Восточной практической академии. Уже в годы советской власти он, конечно, мог совершенствовать свои знания в области корейского языка, встречаясь с корейцами в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и Комитете нового алфавита.

Кроме указанной выше статьи, Е. Д. Поливанов, увлеченный алтайской гипотезой и странным "отшельничеством" корейского языка в генеалогической классификации, публикует свою знаменитую статью "К вопросу о родственных отношениях корейского и 'алтайских' языков"⁷. Наконец, в "Литературной энциклопедии" он помещает обзорную статью "Корейский язык"⁸. В предисловии к избранным работам Е. Д. Поливанова, изданным посмертно (1968 г.), отмечается еще такой факт: в конце 20-х годов в Институте языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) он выступал с докладом "Корейский язык" (текст не сохранился)⁹.

Среди проблем корейского языкознания, интересовавших ученого, следует выделить прежде всего две проблемы — описание фонологической системы гласных корейского языка и установление генетических связей этого языка с алтайской семьей, в разработке которых ему безусловно принадлежит приоритет в мировой науке о языке.

В своей первой статье о корейских гласных Е. Д. Поливанов дал научный анализ системы корейского вокализма в ее современном

и историческом состоянии¹⁰. В литературном корейском языке ученый различает 10 гласных фонем /i u a ш о э е ε Ψ y/¹¹. При описании специфических корейских гласных Е. Д. Поливанов впервые в русском корееведении дает точную артикуляционно-акустическую характеристику, в основном подтверждаемую современными экспериментально-фонетическими исследованиями. Например, при описании фонемы /ɔ/, или /ʌ/ в более поздних работах, Е. Д. Поливанов отмечает два ее оттенка: после "мягких" согласных напоминающий [ə], после "твердых" — [ɔ], который в ряде говоров совпадает со звуком [ш].

Кроме гласных-монофтонгов он выделяет два типа дифтонгов: с начальным неслоговым [ɥ] — /wa wɔ we wɛ wi/ и /œ/, из которых последний произносится вперемежку с гласным /ʉ/. Среди дифтонгов мы не находим неустойчивого "парящего" дифтонга /wi/. Дифтонги с начальным неслоговым [i], который принято выделять в современных работах по фонологии корейского языка, в описании Е. Д. Поливанова отсутствуют, так как он имплицитно различал "твердые" и "мягкие" согласные фонемы, т. е. сочетание "C + jV" [C + jV] он интерпретировал как [C' + V].

Наличия долгих гласных фонем в современном корейском языке Е. Д. Поливанов не признавал. Это было вызвано скорее всего тем, что его информантами были носители ряда северных диалектов, в которых количество гласного нефонематично.

Эта статья Е. Д. Поливанова до сих пор является единственной на русском языке, в которой системно рассматриваются вопросы акцентуации корейского языка. Он отрицал сигнификативную функцию как долготных, так и мелодических различий в корейском языке. По его наблюдениям, законы ударяемости в корейском языке одинаковы для всех слов, независимо от их значения. Они состоят в выделении как начала, так и конца слова, но в различной степени в зависимости от положения слова во фразе. В более поздних работах ученый пришел к выводу о силовом характере корейского "двухполосного" ударения¹².

Что касается словесного ударения в корейском языке, то, по наблюдениям Е. Д. Поливанова, слово "баритонно" на конце фразы и в изоляции, а "окситонно" внутри фразы и в произношении под вопросом, причем акцентологическое слово может состоять из нескольких морфологических слов¹³.

В этой же работе Е. Д. Поливанов прослеживает в общих чертах генезис корейских гласных, считая, что такие современные гласные корейского языка, как /ε е Ψ y/, нового происхождения и восходят к дифтонгам, resp. к *ai, *ɔi, *oi, *ui (только после переднеязычных), и что гласный /a/ восходит к двум звукам — *a (как исконному)

и *a+, а /ɔ/ является рефлексом древнего *e¹⁴. Эта семичленная система гласных фонем, восстанавливаемая Е. Д. Поливановым для среднекорейского языка (периода изобретения корейского алфавита в середине XV в.) методом внутренней реконструкции, который, кстати, он одним из первых компаративистов использовал для анализа неиндоевропейских языков, находит подтверждение как в историко-лингвистическом материале, так и в исследованиях современных корейских ученых¹⁵.

Мысль о "двухполюсном" ударении и открытие следов сингармонизма в корейском языке в только что рассмотренной статье (1916 г.), а также обнаружение ряда корейско-алтайских лексических соответствий в статьях 1923 г.¹⁶ привели Е. Д. Поливанова к выводу о родстве этих языков. Гипотеза о включении корейского языка в алтайскую семью (в которую традиционно входили тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки) на правах ее четвертого члена была сформулирована им в окончательном виде в работе 1927 г.¹⁷.

В трудах Е. Д. Поливанова впервые были широко применены методы сравнительно-исторического и типологического языкознания к корейскому языковому материалу. Считая, что "принципальные черты 'языкового строя' весьма часто оказываются архаическими, а следовательно, и показательными в генеалогическом отношении"¹⁸, Е. Д. Поливанов обращается к корейско-алтайским связям в плане нахождения общих сходств в фонетическом и морфологическом строю сравниваемых языков в тех случаях, когда можно доказать, что эти сходства восходят к достаточно отдаленному прошлому. Таким образом, типологическое изучение у него как бы предваряет и дополняет генеалогическое. К "общим сходствам" Е. Д. Поливанов относит следующие (в скобках даны наши комментарии):

1) исключительно суффиксальный характер морфологии (в энциклопедической статье 1931 г. он прямо относит корейский язык к суффиксально-агглютинативному типу, хотя, как известно, в этом языке имеется и префиксация, правда, слабо развитая);

2) постоянное место и экспираторный характер ударения, причем праязыковое ударение могло быть "двухполюсным"¹⁹ (данные корейского языка, по его мнению, подтверждают это);

3) приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы (здесь корейский язык, по его предсказанию, как бы являет собой состояние будущего этапа развития монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в сокращении состава коренных морфем);

4) сингармонизм (сохранились лишь его следы в современном корейском языке, причем не только в ряде глагольных суффиксов, как отмечает Е. Д. Поливанов, но и в изобразительных словах)²⁰;

5) сходства общего характера в составе фонетической системы гласных и согласных (Е. Д. Поливанов восстанавливает древнюю корейскую систему вокализма в виде семи фонем (см. выше) и находит аналогии в области консонантизма).

Сказанного Е. Д. Поливановым для пояснения методов "нащупывания компаративистской почвы" оказалось достаточно, чтобы дать иллюстрации по установлению сравнительно-фонетических соответствий на этимологическом материале, извлекаемом из самого корейского языка. Он приводит четыре соответствия с участием корейской фонемы /лг/. Е. Д. Поливанов собирался также посвятить отдельную статью простейшим соответствиям для смычных и носовых и особо остановиться на корейско- и алтайско-японских языковых отношениях, но, к сожалению, этот замысел ему не удалось осуществить из-за развязанной марристами травли его после открытой критики им яфетической теории Н. Я. Марра²¹.

И в более поздних работах интерес ученого к проблеме происхождения корейского языка не угасает. Так, во "Введении...", считая вполне вероятным "существование доисторического общетурецкого (общетюркского. — Л. К.) праязыка", он пишет: "Последний в свою очередь вместе с предком чувашского языка и, с другой стороны, обще-маньчжуро-тунгусским (обще-тунгусо-маньчжурским. — Л. К.) праязыком и древним источником корейского языка, возводится к еще более древнему общему источнику — так наз. общеалтайскому праязыку"²².

Как в статье "К вопросу о родственных отношениях...", так и в словаре Е. Д. Поливанов употреблял многозначный термин "алтайские языки" в данном контексте в качестве условного (и чисто научного) лингвистического термина (потому он и заключал его в статье 1927 г. в кавычки), понимая под ним "совокупность трех родственных между собой языковых семей: турецких, монгольских и маньчжуро-тунгусских языков (Е. Д. Поливанов прибавляет к алтайским языкам еще четвертую ветвь — корейский язык)"²³. В том же словаре Е. Д. Поливанов, распространяя термин "сравнительная грамматика" на неиндоевропейские языки, по существу заложил основы для создания "сравнительной грамматики алтайских языков (т. е. турецких, монгольских и маньчжуро-тунгусских)". При употреблении названия "алтайские языки" он всякий раз, подчеркивая свою особую позицию в данном вопросе, добавлял фразы типа: "К числу алтайских языков я позволю причислить и четвертую их ветвь — корейский язык"²⁴.

Гипотеза о принадлежности корейского языка к алтайской семье, выдвинутая почти одновременно, хотя и независимо друг от друга, Е. Д. Поливановым и финским ученым Г. И. Рамstedтом (1873—1950)²⁵, получила поддержку и дальнейшую аргументацию в трудах многих ученых²⁶. Но в ней остается еще немало неясного и спорного. Недаром сам Е. Д. Поливанов, как автор этой гипотезы и ее рьяный сторонник, в энциклопедической статье 1931 г. объективно вынужден был констатировать следующее: "Вопрос о положении корейского языка среди других нельзя считать окончательно разрешенным"²⁷.

Много ценных сведений о корейском языке можно найти и в других работах Е. Д. Поливанова. Они приводятся им для обоснования того или иного положения, либо для сравнения, либо для иллюстрации. В высказываниях ученого о корейском языке, равно как и о других языках, чувствуется глубина и ясность мысли, отточенность формулировок о той или иной особенности языка. Работы Е. Д. Поливанова представляют в этом плане неиссякаемую кладовую, в которой мало породы, но много алмазов, которые предстоит открыть, чтобы они засверкали всеми гранями. И даже то, что нам удалось собрать по крупицам в его трудах и как-то осмыслить с позиций сегодняшней науки, поражает своей значительностью и прозорливостью лингвистического видения ученого в сочетании со строгостью метода и филологической акрибией.

Вместе с тем отдельные замечания о корейском языке, высказанные Е. Д. Поливановым просто вскользь, быть может, не дают достаточных оснований для построения некоего последовательного описания, например, фонетического строя корейского языка, но они позволяют наметить некоторые контуры этого описания. Вполне вероятно, что во второй части "Введения..."²⁸ и других ненайденных работах ученого и было полное описание фонем корейского языка.

Если корейский вокализм представлен в работах Е. Д. Поливанова в целостном виде, то этого нельзя сказать о системе согласных корейского языка. И все же попытаемся свести воедино высказанные ученым в разное время суждения о корейских согласных, чтобы убедиться, насколько они глубоки и актуальны.

В корейской системе смьчных Е. Д. Поливанов выделял "две категории (не считая геминат и носовых, комбинаторно чередующихся со звонким неносовым вариантом в начале): 1) глухих придыхательных (p' t' c' [или ю.-кор. č] k'), которые остаются таковыми во всякой позиции, и 2) непридыхательных, состоящих в регулярном чередовании: глухой (непридыхательный) в начале слова и звонкий внутри слова в интервокальной позиции (это, следовательно, звукопредставления: pl-b, tl-d, cl-z [ю.-кор. č], kl-g)"²⁹. Далее он отмечал, что на

конец слова этим смычным соответствуют глухие импловзивные (т. е. произносимые без эксплозии — взрыва) варианты [p t k], а перед носовыми — соответствующие импловзивные носовые [m n ŋ]. Импловзивный характер согласных он относил к отличительным чертам корейского консонантизма, причем, очевидно, нового происхождения³⁰.

Относительно природы корейских геминат Е. Д. Поливанов не высказывал каких-либо конкретных замечаний, понимая под этой категорией звуков обычные долгие (= удвоенные) согласные, т. е. /p: t: s: k:/. Они образуют третий ряд в системе смычных фонем корейского языка. В современной фонетической литературе их обычно называют "интенсивными" или "сильными" согласными, так как при их произнесении наблюдается сильное напряжение не только в надгортанных полостях, но и в гортани³¹. То, что геминаты в корейском языке могут встречаться в анлауте, Е. Д. Поливанов считал характерной особенностью корейского консонантизма³².

Что касается категории носовых сонантов, то Е. Д. Поливанов относил корейский язык к той группе восточных языков, в которых глубокозаднеязычное /ŋ/ существует в качестве самостоятельной фонемы в независимой позиции, т. е. не только в положении перед заднеязычными [k] и [g]³³. Из других очень тонких наблюдений, сделанных Е. Д. Поливановым в этом ряду согласных, отметим наличие в корейском языке факультативного чередования между носовым и неносовым звонким (mɫb и nɫd) в виде "звонких полуносовых" [mb] и [nd]³⁴.

Одной из специфических черт корейского консонантизма, по мнению Е. Д. Поливанова, является наличие в нем единой "комбинаторно-двуликвой" фонемы /л-г-/ взамен общеалтайских *l и *r. Эта фонема осуществляется в корейском в виде двух комбинаторных вариантов: на конце слова, т. е. в ауслауте, и перед следующим согласным (кроме /h/) произносится [l], а перед гласными в начале непервого слога и перед /h/ — [r], которое весьма сходно с японским переднеязычным, недрожащим и мгновенным [r]. В зависимости от соседнего [l] или [n] этот звук может сливаться с последним в один долгий (геминированный) [l:] или [ll]³⁵.

Е. Д. Поливанов, судя по косвенным данным, выделял в корейском языке ряды "твердых" и "мягких" согласных фонем вместо сочетаний непалатализованных согласных с восходящими дифтонгами с начальным неслоговым [j], как это принято сейчас в корейском языкознании. Такая точка зрения, впервые высказанная Е. Д. Поливановым еще в 1916 г., господствовала в русском корееведении до середины пятидесятых годов; думается, небезосновательна она и в наши дни. Различие в трактовке проблемы "палатализации" согласных в связи с

проблемой наличия/отсутствия восходящих дифтонгов (или дифтонгоидов) с [i] во многом зиждется, на наш взгляд, не столько на объективных данных, сколько на приверженности ученых к той или иной фонологической школе и стремлении к рациональному, с их точки зрения, описанию системы фонем корейского языка. Трудно заподозрить такого блестящего фонолога, каким был Е. Д. Поливанов, в том, что над ним довлела в данном случае русская традиция различать "твердые" и "мягкие" согласные.

Завершая рассмотрение корейского консонантизма по работам Е. Д. Поливанова, остается сказать еще о выделении им гортанного глухого спиранта /h/ в качестве фонемы в корейском языке³⁶, с чем трудно не согласиться.

Что касается других замечаний Е. Д. Поливанова о корейском языке, то ограничимся лишь несколькими иллюстрациями.

Теория конвергенций и дивергенций разрабатывалась ученым с привлечением данных разных языков, в том числе корейского. Так, в работе "Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса" (1928 г.) он писал, что осуществлению конвергенции древних общекитайских глухих и звонких смычных и аффрикат в соответствующие полузвонкие фонемы (в начале слова) в пекинском говоре "способствововала, очевидно, встреча китайского языка с иноязычной этнической подпочвой на севере Китая, которой было известно, следует предполагать, только двойное, а не тройное различие смычных неносовых (т. е. различие типа $t-t'$, а не $t-d-t'$, каковым было общекитайское различие, сохранившееся доньше в шанхайском). В частности, конвергенция (типа $t \text{ x } d \rightarrow td...$) особенно хорошо объясняется, если мы допускаем, что иноязычные аборигены Северного Китая обладали корейским типом консонантизма (с различием $t'-d-t$, где под $t'-d$ понимается фонема, осуществляемая в виде t в начале слова и в виде d между гласными)"³⁷.

Другой пример из корейского языка Е. Д. Поливанов приводит в этой же работе для подтверждения экономии психической деятельности последующим поколением при конвергенционных процессах: "...для китайского, например, случая различие $p-b$ является (особенно если мы допустим наличие в севернокитайском иноязычной подпочвы с фонетическими навыками корейского типа, т. е. с различием $p/-b-p'$) гораздо более трудным, чем различие $p-r'$, если мы допустим, что этнической подпочве было присуще различие $p-r'$, а различие $p-b$ было чуждо (как корейскому языку)"³⁸.

В работе начала 30-х годов "Мутационные изменения в звуковой истории языка" Е. Д. Поливанов определяет для первого этапа историко-фонетического процесса японского языка главным закон от-

крытых слогов [формула (С)V]. И здесь он делает оговорку, допускающую для дояпонской эпохи (хотя бы для одного из дояпонских источников японского языка-гибрида) "отсутствие или по крайней мере принципиальное нарушение закона в виде слогов на носовой согласный, как, например, в 'общекорейско-японском'*асам (яп.-киотоск. asâ // кор. ac'am, aсам 'утро') или *тугим (яп. tugu — совр. киотоск. tugû // кор. tugum 'журавль')"³⁹. Взаимодействие и взаимопроникновение различных языковых систем было одной из центральных проблем, интересовавших ученого. Е. Д. Поливанов тщательным образом анализировал передачу звуков одного языка в другом языке. В работе "La perception des sons d'une langue étrangère" он приводит иллюстрации из корейского языка для констатации фонематических ошибок при восприятии чужого языка⁴⁰. Так, в качестве примера факультативного варианта фонемы в узком смысле слова, т.е. возможным в любой позиции данной фонемы, Е. Д. Поливанов указывает на субститут (т.е. заместитель двух фонем) русской фонемы /d'/ в виде [j]: [jes't'] вместо [d'es'at'] (ср. восприятие русского слова "десять" китайцами, а также корейцами в виде [jes'(i)]. И те и другие не различают русские слова "десять", "есть" (связка) и "есть" (кушать))⁴¹.

Е. Д. Поливанов в этой же работе подтверждает на корейском материале случай расхождения между восприятием и фонологическим представлением данного слова в речи носителя другого языка, когда оно касается даже числа фонем этого слова: "... Кореец, слыша русские слова с начальным с (s) перед другим согласным, например, слова 'старик' (starik), 'сказал' (skazal), повторяет их без начального s (tarik, kazal), т.е. воспринимает данные слова, как состоящие не из шести (как в русском языковом мышлении), а из пяти звуков (фонем). Объясняется это, конечно, тем, что комплекс 's + согласный' (st, sk и т. п.) вообще отсутствует в современном корейском языке — притом не только в начале слова... Но в какой бы то ни было позиции древнекорейские сочетания *st, *sk и т. п. дали в современном корейском языке долгий согласный: t:, k: (tt, kk) и т. п. Не имея привычки слышать s перед согласным, кореец поэтому просто ничего не слышит перед звуками t, k в 'старик', 'сказал' и т. п."⁴².

Большое внимание Е. Д. Поливанов уделял изучению особенностей китайских лексических заимствований в корейском и других дальневосточных языках, для фонетики которых они представляют исключительный интерес. Корейский вариант китайского языка — ханмун он считал иностранным (т.е. не-китайским) письменным диалектом китайского языка. Так же, по его мнению, и японизированные чтения китайских иероглифов представляют собой один или несколько (считая отдельно го-он, кан-он и то:-он) "иностраннных письменных

диалектов китайского языка". Е. Д. Поливанов хотел создать особую, "маленькую" сравнительную грамматику (естественно, имея в виду прежде всего фонетику) неродственных языков китайского "иероглифического" ареала. Кроме того, данные сравнительной фонетики неродственных языков, каковыми являются корейский и японский языки по отношению к китайскому, могут служить столь же ценным материалом для сравнительно-исторической фонетики самого китайского языка, как и диалекты последнего⁴³. Ведь "звуковая сторона усваивалась (японцами и корейцами. — Л. К.) не из написаний (ввиду иероглифического характера письма), а из чтения вслух китайцами (или иногда — корейцами, поскольку корейцы участвовали в транспорте китайской книжной культуры в Японию)"⁴⁴.

Е. Д. Поливанов нередко привлекал в своих работах корейский материал при этимологическом разборе. Им предложен ряд алтайских этимологий корейских корней (около 20), а также установлены некоторые корейско-японские лексические параллели. Например, его объяснение миграции общеалтайского названия лошади (кор. *mal*), которое он связывал с историческими данными о ее приручении, соответствует современной точке зрения⁴⁵. В этом же плане ученый приводит корейский материал для сопоставления, опираясь на звуковое и семантическое сходство слов, принадлежащих языкам разных семейств (ср. совр. кит. 蜜 *mì* "мед" < *mit/ *mjat и.-е. *med^hu — совр. кор. *mil*)⁴⁶. Конечно, не со всеми этимологиями и реконструкциями Е. Д. Поливанова можно согласиться, но тем не менее вклад его в алтайское языкознание огромен.

Занимаясь лингвистическим прогнозированием (а некоторые из его прогнозов сбылись еще при жизни⁴⁷), Е. Д. Поливанов не обошел в этом плане и корейский язык. Объясняя мотивы совершившихся в языке фонетических явлений, например, утраты кратких [u] и [i] как исторически неустойчивых гласных в ряде языков, ученый предвидит в фонетической эволюции корейского языка редукцию гласного [u], свидетельством чему является суффикс множественного числа и именительного падежа — *dur-i* (дублет *-dar-i*)⁴⁸.

При оценке исследований Е. Д. Поливанова о корейском языке необходимо учитывать уровень знаний о языке в колониальной Корее и за ее пределами, трудности получения научной зарубежной информации в те годы, лапидарный стиль самих работ и др. Ценность работ Е. Д. Поливанова по корейскому языку заключена как в конкретных открытиях, так и в общих положениях и методах, предложенных ученым. Во многих областях языкознания, включая корейское, он был первопроходцем, и высказанные им мысли не только не утратили

своей актуальности, но и ждут конкретного воплощения. Его великая заслуга состояла в поисках комплексного описания языков с целью построения их "периодической системы". Но насильственная гибель ученого в годы сталинского террора прервала осуществление этого грандиозного плана.

Примечания:

1. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. С. 381.
2. Подробно о Н. Я. Марре и марризме см.: Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
3. Подробно о жизни, научной деятельности и лингвистических взглядах Е. Д. Поливанова см.: Иванов Вяч. Вс. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова — "Вопросы языкознания". 1957, № 3, С. 55–76; Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова — Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию (далее — Статьи...). М., 1968, С. 7–30; Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; Ларцев В. Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988; Алпатов В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988 (глава "Поливанов как японовед") и др.
- Только в 1968 г. было предпринято издание трудов Е. Д. Поливанова — "Статьи по общему языкознанию". Продолжение же этого издания — "Труды по восточному и общему языкознанию" (далее "Труды...") (М., 1991) нам удалось осуществить только спустя 23 года, к столетию со дня рождения ученого.
- Часть рукописных работ Е. Д. Поливанова (а по его словам, им была опубликована лишь малая толика написанных им трудов, примерно 1/20 часть) в разрозненном и некомплектном виде хранится в Архиве РАН (в Москве и Санкт-Петербургском отделении), в Центральном государственном архиве Узбекистана (Ташкент), в Архиве АН Кыргызстана (Бишкек), в Литературном архиве памятников народной письменности (Прага, фонд Р. О. Якобсона) и в ряде других архивов, в том числе и частных. Некоторые рукописи Е. Д. Поливанова удалось опубликовать. Составленное нами описание рукописей Е. Д. Поливанова, хранящихся в архивах, а также не найденных работ ученого см. в кн.: Ларцев В. Г. Указ.соч. С. 296–324.
4. О Г. В. Подставине см.: Концевич Л. Р. Георгий Владимирович Подставин (к столетию со дня рождения). — "Народы Азии и Африки". 1976, № 1, С. 227–231.
5. Имеется в виду статья: Холодович А. А. О латинизации корейского письма. — "Советское языкознание". Т. 1. Л., 1935. С. 147–161. Об А. А. Холодовиче см.: "Народы Азии и Африки". 1966, № 3. С. 213–217; 1978, № 2. С. 249–250.
6. Опубликована в кн.: "Восточный сборник". Кн. II. Пг., 1916. С. 344–348.
7. Опубликована в журн.: "Известия АН СССР". Серия VI. Т. XXI, № 15–17. Л., 1927. С. 1195–1204; перепечатана в кн.: "Статьи...". С. 156–164.
- Эта статья теперь широко известна в мире. Она вышла в переводах: на английский (в кн.: Polivanov E. D. Selected Works. Articles on General Linguistics. Transl. by D. Armstrong. The Hague—Paris, 1974), японский (ポリワノフ E. D. 日本語研究. 村山七郎 論譯, 東京, 1976 [Поливанов Е. Д. Исследования по японскому языку. Сост. и пер. Мураяма Ситиро. Токно, 1976]), корейский (폴리바노브 E. D. 지음. 한국어와 알타이제어의 친족관계 문제에. 김영일 옮김. — "曉星語文學". 第 1 輯. 서울, 1993 [Поливанов Е. Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков. Пер. Ким Ёнъяль. — "Хёсон омунак". Сб. 1. Сеул, 1993]).
8. "Литературная энциклопедия". Т. 5. М., 1931, стлб. 469–471.
9. См. "Статьи...". С. 20.

10. См. примеч. 6.

11. То есть столько же, сколько признают сейчас многие исследователи корейского языка, если не принимать в расчет долгие гласные. В работе 1927 г. "К вопросу о родственных отношениях..." Е. Д. Поливанов очень тонко подмечает переходные явления, происходящие в современном корейском языке. Поэтому он с оговоркой включает в состав фонем /y/, которая реализуется как [wi] и лишь после переднеязычных монофтонгизируется в [y], тогда как фонему /ʏ/ (или ø), уже более продвинувшуюся в своем развитии в сторону монофтонгизации, он с полным основанием помещает среди гласных-монофтонгов, хотя она факультативно и чередуется с [oi] или [œ].

12. См., например, его статью в "Литературной энциклопедии" (см. примеч. 8). И хотя "двухполюсность" корейского ударения оспаривается в ряде работ Ли Гимунга и других корейских ученых, но нам кажется, что это происходит от недостаточно ясного понимания значения, которое придавал этому термину Е. Д. Поливанов.

Под "двухполюсным" ударением он понимал такое ударение, которое "могло принадлежать первому или последнему слогу (в зависимости от синтаксической позиции и прочих условий данного момента говорения)", т. е. начальное ударение могло чередоваться с конечным ("Введение в языковедение для востоковедных вузов" [далее — "Введение..."]. Л., 1928. С. 115; то же — "Труды...". С. 130). Наблюдения Е. Д. Поливанова над акцентуацией различных языков, т. е. в той области, где он был и остается одним из крупнейших авторитетов, позволили ему сделать выводы и в отношении современного корейского языка: "...слово в изоляции и на конце фразы (где обыкновенно находится глагол (verbum finitum) или спрягаемая форма прилагательного) имеет начальное повышение; слово же, находящееся в начале или в середине фразы (в том числе перед паузой, искусственно делаемой в предложении (когда фраза обрывается посередине) или на конце придаточного предложения), приобретает ударение конечное (на последнем слоге)" ("Введение...". С. 115–116; то же — "Труды...". С. 130–131). "Иначе говоря, чередование начального ударения с конечным выполняет в корейском синтаксические функции" ("К вопросу о родственных отношениях...". С. 1198). И эти выводы вполне можно проверить экспериментально.

13. Вопросы акцентуации в различных языках мира, в том числе в корейском, нашли отражение в других статьях Е. Д. Поливанова: "К вопросу о родственных отношениях..."; "Акцент" и "Акцентуация" в "Литературной энциклопедии" (Т. 1. М., 1930) и в рукописи "Толкового терминологического словаря по лингвистике" (см. "Труды...". С. 326–331); "Zur Frage der Betonungsfunktionen" ("Travaux du Cercle linguistique de Prague" [далее — TCLP]). VI. 1936, pp. 75–81 (то же в русском переводе "К вопросу о функциях ударения" в сб.: "Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению". М., 1973. С. 100–106), и др.

14. В статье "К вопросу о родственных отношениях..." Е. Д. Поливанов, приводя эту реконструируемую им систему вокализма в качестве одного из общих сходств с другими "алтайскими" языками, более четко прослеживает эволюцию двух специфических древнекорейских фонем *e и *ʌ. Под *e он подразумевает не соответствие современному /e/, а источник современного /ʌ/ (или /Ê/) (в корейском письме буква ㅓ). Древнее же *ʌ, по мнению Е. Д. Поливанова, соответствовало букве 아래 "ㅇ" и в дальнейшем совпало с /a/ (буква ㅏ). В современном корейском языке звук /a/ в конце 20-х годов еще обозначался двояким образом: "o" (в случаях с *ʌ) и ㅏ (в случаях с *a). Другими словами, ученый исторически доказал избыточность передачи одной фонемы /a/ двумя буквами. И вскоре, реформой корейской орфографии 1933 г. этот анахронизм был устранен путем изъятия из употребления буквы "o".

15. См., напр.: 李宗. 母音周和研究. - 辰檀學報, 第 16 卷, 1949 (Ли Чон. Изучение гармонии гласных // "Чиндан хакпо", Т. 16, 1949); 同著. 十五世紀의母音體系와二重母音의 Kontraction의 發展에 對하여. - "東方學志", 第 1 卷

Л. Р. Концевич. Е. Д. Поливанов и его вклад в корейское языкознание

(Он же. О системе гласных XV в. и о развитии стяжения дифтонгов. — "Тонбан хакчи", Т. 1, 1954); 許雄. "애, 에, 외, 이"의 음價. — "국어국문학", 제 1 호 (Хо Ун. Звуковой потенциал букв "애, 에, 외, 이". — "Куго кунмунхак", № 1, 1959); 李基文. 中世國語音韻論의 諸問題. — "辰檀學報", 第 22 卷 (Ли Гимун. Проблемы фонологии среднекорейского языка. — "Чиндан хакпо", Т. 22, 1969); 金完鎭. 國語音韻體系의 研究. 서울, 1971 (Ким Ванджин. Исследование фонологической системы корейского языка. Сеул, 1971); 鄭然榮. 15 世紀 國語의 母音體系와 그것에 달린 몇가지 問題. — "國語學", 第 18 卷, 1989 (Чон Ён-чхан. Некоторые проблемы вокализма корейского языка XV в. — "Кугохак", Т. 18, 1989) и др.

16. См. Поливанов Е. Д. Из теории фонетических конвергенций (первая и вторая статья). — "Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта...". Ташкент, 1923. С. 106–115.

17. "К вопросу о родственных отношениях..." (см. примеч. 7). Впервые Е. Д. Поливанов высказал гипотезу о принадлежности коского языка к алтайской семье и привел примерно те же доказательства в статье "О музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайским)" (1924). В добавление к вышесказанному отметим, что интерес к алтайской проблеме у Е. Д. Поливанова был особенно велик в эти годы. Сохранились архивные свидетельства о том, что в 1926—1928 гг. он выступал с докладами на тему "О родстве корейского и урало-алтайских языков" (другие названия: "Тождество корейского языка с урало-алтайскими", "О принадлежности корейского языка к «алтайским»") в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос) и РАНИОН. В эти же годы он читал для аспирантов в Институте языка и литературы РАНИОН цикл лекций "Сравнительные штудии по грамматике алтайских языков" и по введению в изучение дальневосточных языков (см. Архив РАН, ф. 677, оп. 3, д. 78, л. 23 и др.). В этих курсах и докладах так или иначе затрагивались проблемы, обсуждавшиеся в статье 1927 г. В начале 1929 г. Е. Д. Поливановым была предложена через Иннарвос к печати книга "Происхождение японского языка и японцев" объемом в 7–10 печатных листов (см. Архив РАН, там же, л. 58), где он, естественно, использовал и корейский материал. Тогда же, в период работы в Иннарвосе, он составлял по материалам, собранным в Японии в 1914—1916 гг., "Этимологический и диалектологический словарь японского языка" (в первый выпуск он включил свыше тысячи словарных статей), в котором содержались также данные корейского языка (см. Архив РАН, там же); был издан только случайно сохранившийся фрагмент этого словаря под названием "Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка" ("Проблемы востоковедения", 1960, № 3. С. 174–184).

18. "К вопросу о родственных отношениях...". С. 1196.

19. О "двухполюсном" характере ударения в общеалтайском праязыке впервые высказал предположение Н. Н. Поппе в работе: "Из области вокализма монголо-турецкого праязыка". — "Доклады РАН. Серия В", 1924. С. 33–35.

20. В одной из последних работ — "Толковом терминологическом словаре по лингвистике" (1935—1937 гг.) он снова повторил ту же мысль: "В корейском сингармонизме — отсутствует, но на основании некоторых «пережиточных» следов его можно допустить наличие сингармонизма в древнем состоянии этого языка" ("Труды...". С. 418).

21. Материалы по этой теме см.: "Труды...". С. 508–588, 613–626; Ларцев В. Г. Указ. соч. С. 74–90.

22. "Введение...". С. 44 (то же — "Труды...". С. 59).

23. "Труды...". С. 331.

24. "Труды...". С. 436.

25. Подробно см.: Aalto P. G. J. Ramstedt and Altaic Linguistics // "Central Asiatic Journal", vol. 19, No 3, pp. 161–193.

26. Эта гипотеза получила дальнейшее детальное обоснование в трудах С. Мартина (Martin S. Lexical Evidence Relating Korean to Japanese. — "Language", vol. 42, No 2, 1966, и др.), Р. Миллера (Miller R. A. Japanese and Other Altaic Languages. Chicago London, 1971, и др.), П. Аальто (Aalto P. Korean and Altaic Lexical Relations // "第 1 回韓國學國際學術會議論文集". 성남, 韓國精神文化研究院 и особенно С. А. Старостина (Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991). Краткий обзор состояния изученности корейского языка в связи с алтайской проблемой см.: Концевич Л. Р. Корейский язык в алтаистических исследованиях: Некоторые итоги и перспективы. — Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Т. II. Лингвистика. М., 1986. С. 141–144; см. также библиографию корейских работ по данной теме: 金榮一, 李娟子. 알타이諸語研究論著目錄 (資料). — "韓國語學과 알타이語學..." 河陽, 曉星女大學校出版部, 1987, 169—184 쪽 (Ким Ёнвиль, Ли Ёнджа. Библиография работ по изучению алтайских языков. Материалы. — Корейское и алтайское языкознание. Хаян, Женский университет Хёсон. 1987, С. 169–184).

27. "Литературная энциклопедия". Т. 5. М., 1931, стлб. 469. По сути сходное определение места корейского языка в генеалогической классификации языков приведено в новейшем энциклопедическом издании и спустя 60 лет после работы Е. Д. Поливанова. В статье "Корейский язык" (автор — Л. Р. Концевич) говорится: "Корейский язык... — изолированный язык, генетические связи которого устанавливаются лишь гипотетически... Из различных гипотез генетического родства К. я. наиболее распространена т. наз. алтайская..." ("Лингвистический энциклопедический словарь". М., 1990. С. 240). В другой статье "Генеалогическая классификация языков" (автор — Вяч. Вс. Иванов) корейский и японский языки помещаются в схеме разделения ностратических языков по принципу "родословного древа" среди восточно-ностратических языков, правда с оговоркой, что "пока еще не удалось установить, входили ли они в число языков, образовавшихся из промежуточного алт-айского праязыка, или же их ...можно прямо возвести к восточно-ностратическому праязыковому диалекту" (там же. С. 96; см. также рис. 3 и 4. С. 97).

28. Была опубликована только первая часть "Введения..." (Л., 1928). В настоящее время она переиздана нами в "Трудах...". О существовании второй части "Введения..." косвенно свидетельствуют ссылки на страницы ее корректуры (набор был рассыпан после выступлений ее автора с критикой яфетической теории в 1929 г.) в ряде рукописных работ Е. Д. Поливанова.

29. "Введение...". С. 103–104 ("Труды...". С. 118–119).

30. "К вопросу о родственных отношениях...". С. 1200; "Введение...", С. 104 ("Труды...". С. 119), "Толковый-терминологический словарь..." ("Труды...". С. 429).

31. См., напр., Скалозуб Л. Г. Сопоставительное описание согласных корейского и русского языков. Киев, 1957, и др.

32. "К вопросу о родственных отношениях...". С. 1200.

33. "Введение...". С. 148 ("Труды...". С. 163).

34. "Введение...". С. 151 ("Труды...". С. 166).

35. "К вопросу о родственных отношениях...". С. 1200.

36. "Введение...". С. 93 ("Труды...". С. 108).

Л. Р. Концевич. Е. Д. Поливанов и его вклад в корейское языкознание

37. Цит. по: "Статьи...". С. 68; см. также "Введение...". С. 103-105 ("Труды...". С. 118-120).

38. Цит. по: "Статьи...". С. 70; см. также "Введение...". С. 103-104 ("Труды...". С. 118-119).

39. Цит. по: "Статьи...". С. 103. Во "Введении..." Е. Д. Поливанов приводит эти же примеры при описании западнояпонской системы музыкальной акцентуации, в частности кюотского типа с нисходящим повышением на второй мере, считая такое повышение рефлексом исчезнувшего конечного согласного, которое сохранилось в корейских этимологических соответствиях (см. "Введение...". С. 123-124; то же — "Труды...". С. 138-139). По поводу сопоставления яп. *asa и кор. *as`am он делает замечание: "...во всяком случае корейская форма с *с` <...> представляет более архаический тип эволюции, чем яп. а" ("Введение...". С. 55; то же — "Труды...". С. 70).

40. Опубликовано в: TCLP, IV, 1931, pp. 79-96. Ее русский вариант под названием "Субъективный характер восприятия звуков языка" впервые опубликован в сб.: "Статьи...". С. 236-253.

41. Этот пример отсутствует в русском варианте работы, но в то же время приводится во "Введении...". С. 219 ("Труды...". С. 234).

42. Цит. по: "Статьи...". С. 238-239; см. также "Введение...". С. 2 ("Труды...". С. 17).

43. См. "Введение...". С. 51 ("Труды...". С. 66).

44. См. "Статьи...". С. 253.

45. См. "Введение...". С. 52-54 ("Труды...". С. 67-69).

46. См. "Введение...". С. 57 ("Труды...". С. 72). Правда, речь идет о корейском чтении китайского иероглифа. Наряду с этим китаизмом, означающим "пчелиный воск", существует собственно корейское слово kkuл "мед".

47. См., напр., Ларцев В. Г. Указ. соч. С. 116 и др.

48. См. "Введение...". С. 29-30 ("Труды...". С. 44-45).